

ДОКТРИНА «СНЯТИЯ КОРПОРАТИВНОЙ ВУАЛИ»: ИСТОРИЯ ПОЯВЛЕНИЯ, СТАНОВЛЕНИЕ, РАЗВИТИЕ, И ЕЕ ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ

© 2018 Кривцун Евгений Петрович

Аспирант

Российская академия народного хозяйства и государственной службы

при Президенте Российской Федерации

г. Москва, проспект Вернадского, 82, стр.1

E-mail: krivtsun@icloud.com

Целью данного исследования является посредством применения сравнительно-правового и историко-генетического методов рассмотреть вопросы появления доктрины «снятия корпоративной вуали», ее становления в рамках англосаксонской правовой семьи с последующим внедрением в теории и практике российской юридической мысли. В рамках работы рассмотрены основные события, с которыми были связаны появление названной доктрины, ее последующее применение и развитие, а также особенности ее использования в современной России. В рамках настоящего исследования было показано, что применение доктрины «снятия корпоративной вуали» в российской правоприменительной практике в делах о банкротствах уже повсеместно используется, но вместе с тем, ее использование до сих пор является единичными случаями, и как правило указанное происходит только в крупных делах. При этом, доктрина уже осмыслена в теории права, а в 2009 году нашла свое отражение в концепции развития гражданского законодательства, вместе с тем, сложности ее имплементации в российское законодательства все также обусловлены отсутствием достаточной научной разработанности критериев ее применения и возможности их законодательного определения.

Ключевые слова: Корпоративная ответственность, доктрина «снятия корпоративной вуали», банкротство

Правовая доктрина (лат. *doctrina* — учение, теория) предполагает изложение правовых принципов, правоположений представителями власти, юридической науки и практики, которым придается общеобязательное значение [1].

В последнее время в практике российских и зарубежных судов активизировался процесс отсылки на доктринальные положения как общеизвестные и общепризнанные при принятии решения по конкретному делу.

Вместе с тем, по общему правилу правовая доктрина не является источником права, что обусловлено сложностями, возникающие в теории права в попытках легитимации правовых доктрин обусловлены их невозможностью четкого определения и объективации [2], обусловленные отсутствием возможности сведения части дефидентов к единому общепризнанному и научно обоснованному определению.

Указанные сложности присущи и доктрине «снятие корпоративной вуали» или как ее еще называют «проникающей ответственности», сформировавшейся в недрах англосаксонско-

го права, предтечей появления, становления и формирования которой является сформулированный в прецедентном решении 1897 г. по делу «Salomon v. A. Salomon & Co Ltd» в английском праве принцип ограниченной ответственности корпорации [3].

Суть дела заключалась в том, что суд должен рассмотреть ситуацию, когда не справившись с финансовыми обязательствами перед кредиторами компания A. Salomon & Co Ltd обанкротилась, а ее имущество не хватало для того чтобы покрыть интересы кредиторов, в связи с чем, кредиторами перед судом поставлен вопрос об удовлетворении их требований за счет имущества физического лица — мажоритарного акционера Salomona. При разрешении дела судом был сформулирован и обозначен принцип ограниченной ответственности корпорации, который сводился к имущественной обособленности обязательств юридического лица и лица ее учредившего. Необходимо отметить, что сам факт ограниченной ответственности уже был закреплен в статутном праве Великобритании в Акте

об ограниченной ответственности и в Акте об акционерных компаниях, принятых Парламентом Великобритании в 1855 г. и в 1856 г. [4] соответственно, так, что можно говорить не в самой революционности указанного принципа, а о его закреплении в прецеденте, что существенно важно было для прецедентов англосаксонской правовой системы.

После принятия указанного прецедента можно утверждать о дополнении в англосаксонской правовой системе понимания корпорации, не только как совокупности индивидуумов представляющие самостоятельный индивид — юридическое лицо, не связанный с индивидами, его образовавшими — «автономности воли корпорации», но и ограниченной ответственности корпорации при участии в гражданском обороте.

Также, стоит отметить и заслугу указанного прецедента в формировании доктрины «компания одного лица», что благотворно сказалось на развитии буржуазных отношений посредством формирования класса мелкой и средней буржуазии, которая могла посредством организации корпораций — акционерных обществ ограничить свою ответственность. В этом отношении стоит согласиться с мнением В.Д. Федчука, согласно которому, признание личности юридического лица и автономности его воли позволило сформировать основу для дальнейшей выработки и развития различных подходов к описанию и формированию взаимоотношений между учредителями и юридическими лицами [5], другими словами принятие названного решения явилось мощным стимулом по развитию корпоративного права.

С указанного прецедента ведет свой отсчет и появление различного рода злоупотреблений правом в применении принципа ограниченной ответственности корпораций, когда его основной целью стало избегание ответственности посредством формирования фиктивных участников экономических отношений, основной целью которых являлось уже не добросовестная организация материальных и не материальных ценностей с целью участия в гражданском обороте, а посредством различного рода злоупотреблений получить чужую собственность.

Способствовало формированию такой ситуации и отсутствие со стороны статутного права Англии обязанностей, которые могли гарантировать соблюдение прав кредиторов, так Актом 1856 г. предусматривалось упрощенный порядок

регистрации корпоративных общностей, число учредителей в которых должно быть более семи, но при этом отсутствовали требования к размеру уставного капитала и информации, которая должна быть доступна о такой корпорации. Указанное в практике приводило к ущемлению прав кредиторов и как следствие ставило под угрозу стабильность гражданских правоотношений.

Реакция столкновения интересов собственников корпорации и ее кредиторов в англосаксонской судебной практике не заставила себя долго ждать и уже через год начинает формироваться практика «открытия корпоративного занавеса», нашедшая свое отражение в деле 1898 г. «St. Louis Breweries v. Apthorpe» [6], уже тогда принцип ограниченной ответственности был поставлен под сомнения для ситуаций когда такая ограниченная ответственность использовалась с целью нарушения публичных интересов, совершение и укрывательства мошенничества, придание нарушению легальных и законный вид, защиты преступления.

На такие вызовы практика ответила формированием отдельных правовых позиций, инструментов, не тривиальных решений судов, наиболее удачным доктринальным их осознанием стоит признать подходы американца Мориса Уормсера, так им был введен в практику правоприменения термин «piercing the corporate veil» («протокол корпоративной вуали»), в последующем переключившийся в английскую практику и доктринальную среду в качестве термина «lifting the corporate veil» («подъем корпоративной вуали») [7].

Свои выводы Морис Уормсер основывал на анализе решения Верховного суда США 1809 г., суд исходил из положений статьи 3 федеральной Конституции США, которой была определена компетенция федеральных судов лишь в отношении споров между гражданами разных штатов, в связи с чем, суд вынужден был «заглянуть за корпоративную вуаль». При анализе указанного дела Уормсер указал: «от вороватых волков, будь те в корпоративном одеянии бабушки Красной Шапочки или в своих собственных мохнатых шкурах» [8], что предполагало необходимость соблюдения баланса интересов кредиторов, когда корпоративная вуаль использовалась для целей злоупотребления правом.

Усложнение экономических отношений в обществе, особенно в корпоративном секторе обусловил и рост применения названных терми-

нов и подходов, что в последующем позволило систематизировать, обобщить имеющиеся подходы и уже в доктринальной среде разработать доктрину «piercing the corporate veil» («снятия корпоративной вуали»).

Доктрина «снятия корпоративной вуали» продолжила свое проникновение, и в первую очередь применения получала в рамках бывших английских колоний, которые продолжительный период времени были под патронатом англосаксонской правовой системы и использовали ее подходы при формировании своей национальной правовой системы, а именно это такие страны как Австралия, Индия, Канада, Новая Зеландия. При этом, важно отметить, что в каждой из указанных стран доктрина «снятия корпоративной вуали» применяется с использованием особенностей национальной правовой системы и правосознания.

Доктрина «снятия корпоративной вуали» не находится в стагнации и в рамках правовых систем ее породивших. Так, судами в США использование и применение доктрины «снятия корпоративной вуали» осуществляется, прибегая к положениям иных доктрин. Например, часто используют доктрину «Alter ego» («альтер-эго») юридического лица (корпорации), суть и назначение которой сводится к установлению лиц, которые могут оказывать решающее воздействие на органы управления корпорации и ее деятельности, что предполагает установление лиц, имеющих реальные, а не номинальные правомочия по определению деятельности корпорации [9].

В рамках разрабатываемого механизма применения судами в США доктрины «снятия корпоративной вуали» Ф. Пауэллом [10] в 1931 г. предложено применение теста «two-prong test» (двух элементный тест), применение которого предлагает установление следующих групп фактов:

- Первая группа. Факты, которые несут в себе порок автономности воли юридического лица в силу доминирующего контроля другого лица;
- Вторая группа. Факты обмана, правонарушения и (или) злоупотребления правом следующие противоправные действия и цели, которые реализуются посредством конструкции юридического лица.

Указанные факты должны устанавливаться в своей совокупности, то есть один должен быть следствием второго, и наоборот, а особенности

федеративной судебной системы США в рассмотрении споров формируют широкую вариативность факторов, которые подлежат установлению при применении доктрины «снятия корпоративной вуали» и которые разнятся от штата к штату.

Так, например, в деле *ABN AMRO Bank, N.V. v MBIA Inc.* [11] судом было установлено, что материнская компания, имеющая в своем распоряжении 100% акций дочерней компании и не озаботившаяся ее капитализацией, которой было бы достаточно для удовлетворения требований кредиторов совершены в последующем действия, направленные на выводы активов дочерней компании с целью невозможности кредиторами обратить взыскание на такие активы. Применение указанного теста показывает:

- материнская компания имела в отношении дочерней компании доминирование, 100% акций позволяло ей осуществлять в отношении дочерней компании любые функции управления. Фактически, воля дочерней компании определялась волей материнской компании в отношении нее;

- вывод активов дочерней компанией осуществлялся с явным намерением сохранить активы в собственности материнской компании с целью исключить возможность встречного исполнения обязательств дочерней компании по договорам с ее кредиторами.

Как видно, в указанном деле суд установил все факты, необходимые для применения названного теста, что позволило применить доктрину «снятия корпоративной вуали», как следствие обеспечить соблюдение интересов кредиторов и недопущение ухода от ответственности материнской компании посредством ее сокрытия за «корпоративной вуалью».

Дальнейшее развитие и усложнение общественных отношений не могло не отразиться и на усложнении корпоративных отношений как таковых, что неминуемо отразилось и на появлении новых форм, способов и средств ухода недобросовестными участниками корпоративных правоотношений имущества корпораций с целью неправомерного лишения возможности его получения добросовестными кредиторами.

Новые вызовы сформировали необходимость и условия для формирования и других доктрин, как-то:

- «instrumentality» (инструментальная доктрина), то есть когда форма участия в правоот-

ношениях — юридическое лицо, является орудием и средством достижения противоправной цели;

- «аgенсу» (агентских отношений), суть которой сводится к изучению агентских отношений между материнской и дочерней компанией;

- доктрина «identity» (идентичности), когда действия контролируемого лица, соотносятся (идентифицируются) с действиями контролирующего его лиц;

- доктрина «enterprise» (доктрина единого предприятия), в указанной доктрине выражается основной принцип, что в случае если корпоративное управление и собственность на имущество корпорации позволяет группу юридических и физических лиц отождествлять с единым предприятием, указанное особенно стало актуально при появлении и развитии больших холдинговых структур, и приобретает всю большую актуальность в настоящее время с ростом значения и влияния в жизни общества международных холдингов, транснациональных групп компаний;

- доктрина «sham» или «shell» (доктрина маски), суть которой сводится к тому, что создание и деятельность корпорации — юридического лица является всего лишь фиктивным прикрытием опосредованного участия материнской компании, когда она в силу определенных обстоятельств с целью сокрытия своего участия участвуют посредством юридического лица — корпорации;

- доктрина «dummy» (марионетки), когда материнская компания осуществляет прямое руководство дочерней компанией и ее действиями и используется как средство реализации противоправных действий в интересах материнской компании [12].

Несмотря на столь значительное многообразие названных доктрин все их истоки исходят из доктрины «снятия корпоративной вуали» (проникающей ответственности), их появление и становление обусловлено лишь различиями в инструментариях и толкованиях, выработанные судами при применении названной доктрины.

Касательно применения указанной доктрины в современной российской действительности стоит отметить, что современная российская правовая система является относительно молодой и ранее долгое время находилась под влиянием ранее существовавшей советской право-

вой системы, которая практически не развивала институты частной собственности и рыночных отношений. Применение и развитие указанной доктрины не имело в практике значение, а ее изучение если и имело место, то как реализация метода сравнительного правоведения в рамках только теории права.

С провозглашением рыночной экономики потребовалось и пересмотр ранее существовавших подходов, включающие в себя использования наработок других правовых систем, особенно указанное актуально стало для появившихся новых отраслей и институтов права, ранее не использовавшихся в советской правовой системе, особенно актуально это стало для корпоративных правоотношений.

Стоит отметить, что для российской правовой системы официально не признающей судебного прецедента в качестве источника права, важным является закрепление доктрины «снятия корпоративной вуали» (проникающей ответственности) непосредственно в рамках законодательства. Необходимость развития доктрины было отмечено в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, которая была одобрена в 2009 году Советом при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства. В рамках концепции предлагалось распространить субсидиарную ответственность не только в отношении учредителей и участников юридического лица, но и за счет выгодоприобретателей и иных лиц, имеющих возможность определять решения о совершении сделок, принимаемые юридическим лицом, что в конечном счете позволяло бы устанавливать проникающую ответственность и в конечном итоге закрепляло бы возможность использования доктрины «снятия корпоративной вуали» вплоть до субсидиарной ответственности конечных бенефициаров.

Вместе с тем, действующее законодательство, закрепляющее возможности полной реализации доктрины «снятия корпоративной вуали» (проникающей ответственности) на сегодня не реализованы в полной мере, по мнению автора, носят половинчатых и разрозненный характер. Так, в рамках гражданского законодательства появилась статья 673 Гражданского кодекса Российской Федерации которая предусматривает ответственность материнской компании по долгам дочерней, стоит отме-

тить, что Федеральным законом от 29.07.2017 г. № 266-ФЗ в Федеральный закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» внесено изменение, которым была упразднена статья 10, которая закрепляла различные формы ответственности должника и иных лиц в деле о банкротстве, что значительно нивелировала применение доктрины «снятия корпоративной вуали» (проникающей) ответственности в делах о несостоятельности (банкротстве).

При этом, стоит обратить внимание, что судебная практика при этом успешно применяет указанную доктрину и использует ее в самых сложных и крупных делах о банкротствах.

На сегодняшний день наиболее интересные дела с применением доктрины «снятия корпоративной вуали» (проникающей ответственности) применены в практике арбитражных судов по делам №№ А78–8718/2016, А33–6328/2013, А51–21076/2009, А40–52404/14–104–447, А56–38334/2011 и А60–47001/2015 [13], особо хотелось бы подчеркнуть, что российская правоприменительная практика в основе своей при применении доктрины «снятия корпоративной вуали» (проникающей ответственности) строит свои подходы исходя из признания мнимости или притворности сделок, совершаемых банкротившимся лицом не только в интересах его учредителей и (или) руководителей, но и в частности используются средства и способы привлечения к ответственности вплоть до конечных бенефициаров.

Интересно, что в отсутствии четкого регламентированного в законодательстве порядка применения названной доктрины, она используется и Европейским судом по правам человека при разрешении споров с участием Российской Федерации, в качестве примеров можно привести дело «Лисейцева и Маслов (Liseytseva and Maslov) против Российской Федерации» (жалобы № 39483/05 и 40527/10), так судом было отмечено, что международное право признавая с одной стороны обособленность и неприкасаемость собственности юридического лица и ее автономность от собственности учредителя, допускает отступление от указанного в случаях, когда «корпоративная вуаль» используется как средством обмана и уклонения от добросовестного исполнения обязательств перед кредиторами [14]. Другой пример получивший особую известность в связи с международным резонансом, представлен в деле «Ходорковский и Лебедев

(Khodorkovskiy and Lebedev) против Российской Федерации» (жалобы № 11082/06 и 13772/05)» судом постулировалось, что с одной стороны Пленум Верховного Суда Российской Федерации от 28 декабря 2006 г. № 64 закреплял возможность «протыкания корпоративной вуали» при разрешении вопросов о возмещении неуплаченных налогов, при этом последующая практика такой возможности в отношении управляющих организаций не применяла [15]. Из указанных примеров можно наглядно продемонстрировать успешное использование доктрины при противодействии злоупотреблением правом, когда результатом такого злоупотребления является нарушение прав кредиторов, и как следствие создается угроза стабильности гражданских правоотношений.

Анализируя положения действующего российского законодательства стоит обратить особое внимание на внесенные Федеральным законом от 28 апреля 2009 г. № 73-ФЗ изменения в статью 19 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», которым содержания понятия и перечень заинтересованных лиц в процедурах несостоятельности (банкротства) был изменен. Согласно пояснительной записке, прилагаемой к проекту соответствующего Федерального закона указанные изменения были обусловлены необходимостью дальнейшего развития оспаривания сделок по субъективному критерию, с целью упрощения доказывания прямого умысла была введена конструкция «совокупности доказательств» («*badge of proofs*»), другими словами, рассмотрение действий должника на предмет наличия в его действиях злоупотребления правами должника применяться совокупность критериев, предусматривающих одномоментное наличие как субъективного, так и объективного начала.

С точки зрения развития судебного применения указанной доктрины в Российской Федерации особое внимание стоит уделить решению Верховного суда Российской Федерации по делу № А19–1677/2013 от 15 февраля 2018 г. в рамках которого судом разрешен вопрос о возможности и степени такой возможности руководствоваться косвенными доказательствами злоупотребления своими правами конечным бенефициаром, которые влекут нарушения прав кредиторов. Верховный суд Российской Федерации в указанном деле подтвердил, что действия собственника, направленные на систематиче-

ское получение денежных средств от должника, без встречного эквивалентного предоставления возмещения (блага), а также отчуждение имущества в своей совокупности свидетельствуют, что собственником совершались указанные действия для целей вывода активов должника и как следствие уменьшение конкурсной массы, за счет которой могут возмещаться требования кредиторов. Главным достижением указанного решения является возможность использования косвенных доказательств для подтверждения недобросовестности действий конечного бенефициара, когда прямые доказательства не могут быть получены.

Названное решение безусловно позволит судам при рассмотрении дел о банкротствах чаще использовать доктрину «снятия корпоративной

вуали» (проникающей ответственности), что особенно актуально сейчас, так как доктринальные подходы в теории российского права уже готовы переложить названную доктрину на современную российскую действительность с учетом особенностей правовой системы Российской Федерации. Отдельные аспекты для успешного внедрения такой доктрины уже нашли свое отражение в законодательстве, а судебная практика показывает возможность, а иногда и безусловную необходимость применения доктрины «снятия корпоративной вуали» (проникающей ответственности) как средство и способ не допустить ущемление прав и законных интересов кредиторов и гарантировать стабильность и поступательность развития гражданских правоотношений.

Библиографический список

1. *Щечков В.К., Швандерова А.Р.* Теория государства и права: учебник. М.: Прометей, 2017. С. 103.
2. *Зайцев О.В.* Становление и развитие современной доктрины гражданского права в России: Автореф. дис ... д-ра юрид. наук: 12.00.03.— Москва, 2018.— С. 11.
3. *Батыршина К.А.* Особенности формирования и становления доктрины снятия корпоративной вуали в англосаксонской системе права: историко-правовой аспект // Гражданское право. 2015. № 1. С. 43.
4. *Ville S.P.* Judging Salomon: Corporate Personality and the Growth of British Capitalism in a Comparative Perspective. *Federal Law Review*. 1999. Vol. 27. P. 203, 212–215.
5. *Федчук В.Д.* De facto зависимость de jure независимых юридических лиц: проникновение за корпоративный занавес в праве ведущих зарубежных стран. М.: Волтерс Клувер, 2010. С. 194.
6. *St. Louis Breweries v. Apthorpe*. [1898] 15 T.L.R. 112 (Q.B.) at 112 (Eng.).
7. *Wormser I.* Piercing the Veil of Corporate Identity. *Columbia Law Review*. 1912. Vol. 12. P. 496–518.
8. *Wormser I.* Piercing the Veil of Corporate Identity. *Columbia Law Review*. 1912. Vol. 12. P. 500.
9. *Батыршина К.А.* Особенности формирования и становления доктрины снятия корпоративной вуали в англосаксонской системе права: историко-правовой аспект // Гражданское право, 2015, № 1. С. 45
10. *Powell F.J.* Parent and Subsidiary Corporations. Chicago, 1931. P. 54.
11. *ABN AMRO Bank, N.V. v MBIA Inc.*, 17 NY3d 208, 928 NYS2d 647, 952 NE2d 463 (2011).
12. *Беляева А.Н.* Доктрина снятия «корпоративной вуали» в США: опыт применения // Предпринимательское право, 2017. № 2.
13. Картоотека арбитражных дел. Режим доступа: <http://kad.arbitr.ru/> (01.04.2018)
14. Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2015. № 3. С. 75–113.
15. Российская хроника Европейского суда. Приложение к «Бюллетеню Европейского суда по правам человека». Специальный выпуск. 2015. № 1. С. 4–140.

Поступила в редакцию 30.04.2018 г